

рование «агрессивных» типов личности через художественный образ посредством литературы и не только её.

Обогащение и возвышение человеческого сознания и эмоциональной сферы человека – одна из сторон создания неагрессивного общества. И прямое отношение ко всему этому имеет работа художественного образа в сознании людей, а значит и историческом процессе.

«Искусство – универсальный язык жизненно-важного сотворчества человека, общества, культуры и природы, «летописец» и «оберег» психофизического и духовного здоровья человека, и потому – важный фактор укрепления оси устойчивости коэволюции» [7; с.37].

Источники и литература

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: ДИ – ДИК, 1994. – 638с.
2. Юнг К.Г. Психологические типы / Под ред. В. Зеленского / К.Г. Юнг. – М.: Университетская книга: АСТ, 1998. – 716с.
3. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск: Попурри, 1998. – 671с.
4. Оконская Н.Б. Лицо истории – золотое сечение или цивилизация каннибалов /
5. Н.Б. Оконская. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. – 232с.
6. Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов / Б.А. Диденко. – М.: Китеж, 1996. – 160с.
7. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1982. – 318с.
8. Денисова О.В. Антология жизни в искусстве и модель устойчивого развития (философские аспекты социокультурной политики) // Вестн. Сев. ГТУ. – Севастополь, 2003. – Вып.46. – с.31-37.

Черниенко В.А.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ

Проблема концептуальных изменений – одна из ключевых в философии наших дней. Сегодня вопрос о смене типов рациональности – это уже не чисто теоретический, но в большей степени жизненно-практический вопрос, порожденный кризисами нашей технократической цивилизации. В этой ситуации абсолютная ценность научной методологии многими ставится под сомнение. Крепнет убеждение в том, что рациональность не сводится к науке. Растет популярность концепции методологического плюрализма.

Вплоть до XVIII века разум рассматривался как нечто аисторическое, как универсальная и неизменная сущность человека. Рационалисты Нового времени и трансценденталисты Просвещения считали, что разум мыслит бытие, опираясь на врожденные (Р.Декарт), априорные (И.Кант) универсальные и неизменные принципы рациональности, и этим гарантировались всеобщность и необходимость как признаки достоверного знания. Поэтому, как тогда полагали, рациональные высказывания сохраняют свои значения в любой эпохе и культуре.

В XIX веке универсальность и неизменность принципов разума была поставлена под сомнение немецким диалектическим идеализмом (Г.Гегель) и французским позитивизмом (О.Конт). Предложение – рассматривать субъект познания исторически – обусловило появление понятия "относительно истинного", истинного для своего времени. Истина стала исторической. Авторитетам того времени (например, Гегелю) было свойственно представлять историю субъектом познания и провозглашать свою собственную деятельность абсолютным, окончательным знанием, следовательно, завершением истории познания.

На рубеже XIX-XX веков происходит отказ от возможности достижения абсолютного знания и признание исторической относительности форм жизни человека. Морфология культур становится предметом познания (М.Вебер, О.Шпенглер). Рациональность понимается как исторически приходящий познавательный дух конкретной культуры, а смена культур коррелирует с концептуальными изменениями (Р.Дж.Коллингвуд). Этим признавался плюрализм исторически сменяющих друг друга форм рациональности. И лишь во второй половине XX века рациональность как исторический фактор становится предметом эпистемологии (Ст.Тулмин, П.Фейерабенд, М.Фуко).

Однако длительный поиск источника рационального авторитета (вопрос об индивидуальности или надындивидуальности истинного мышления) не закончен и сегодня: теоретические разногласия решаются, в основном, равновесием сил, а не равновесием принципов; спорящие стороны отказываются прислушаться к доводам своих оппонентов, пытаются силой, а не принципами аргументировать свою позицию. Нерешенность проблемы делает наше исследование *актуальным*, а выявление существенного фактора модификации форм рациональности – *целью* статьи.

Известно, что ничто не истинно без своего определяющего основания, ибо все истины либо непосредственно, либо косвенно вытекают из своих оснований. Основание, исходное положение, принцип – это то, через что можно понять, почему нечто существует. Основания – это различные точки зрения, с которых можно рассматривать вещи. Выбор оснований чего-либо находится в соотношении с логическим принципом достаточного основания и обоснования как процессом оценки различных логических форм знания.

Основания основаниям рознь. Спор, как правило, идет о последующе-определяющих основаниях, которыми мы довольствуемся, когда речь заходит о достоверности. Однако, как полагал Кант, последующе-определяющее основание не порождает истины, а только разъясняет ее. При этом всегда имеются предшествующе-определяющие (генетические) основания, но мы о них спорим только в экстраординарных случаях.

Такое состояние дел обусловлено тем, что, зачастую, мы делаем выбор не задумываясь. Акт выбора не замечается, т.к. он предопределен социокультурными стереотипами. Роль методологии, в этом случае, вы-

полняет обычай, традиция, уже принятые кем-то и когда-то стандарты и процедуры рациональной деятельности. Эти стандарты рациональности являются имплицитной семантической матрицей, которая неявно задает рамки возможного актуального выбора "субъекта-общества" (индивида, социальной группы, общества в целом), например, научного сообщества.

Каков генезис предшествующе-определяющих оснований? Адекватный ответ видится в размышлении над формами общественной жизни. Научный анализ этих форм, как писал К.Маркс в "Капитале" [1, с.85-86], вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию; анализ начинается *post festum* (задним числом), т.е. исходит из готовых результатов процесса развития; формы успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, – последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, – а лишь в их содержании; это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы.

Это старая история: вначале всегда из-за содержания мышления не обращают внимания на его форму. Ранее на эту особенность ("*post festum*") познания форм общественной жизни метафорически указал немецкий философ Г.Гегель: "*Сова Минервы вылетает в сумерки*".

Представления об исторически осуществляемых формообразованиях сознания и самосознания подвигли ряд мыслителей поставить вопрос о "феноменологии духа" как истории отдельных и последовательных этапов освобождения мышления от всевозможных притязаний чувственности. Однако в чем же искать основания изменения духовных формообразований? В поэтапном самоосознании, самоосуществлении ничем не обусловленного "абсолютного субъекта" гегелевской идеалистической диалектики? В обусловленности изменений духа изменениями материи, трактуемой диалектическим материализмом? Или есть еще третий вариант, четвертый, ...?

Спектр вариантов методологием, очевидно, невелик и ограничен основным вопросом философии: отношение мышления к бытию, сознания к материи. Результаты редукции той или иной методологием (известная коллизия материализма и идеализма) детерминированы, поскольку любая теория есть множество общих, дедуктивно организованных предложений, аналитическая истинность (соответствие приписывания присущности) которых устанавливается в рамках определенных упрощений и идеализаций, вводимыми вербальными определениями.

Мы склонны согласиться с Ф.Энгельсом, который полагал [2, с.31], что основания, принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; принципы не применяются к природе и человеческой истории, а абстрагируются от них; не природа и человечество соотносятся с принципами, а наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку, они соответствуют природе и истории. Изменяющееся социальное бытие вынуждает людей изменять, совершенствовать принципы.

Однако категории, основания, принципы, будучи общими высказываниями, не выводимы непосредственно из единичных высказываний наблюдения и составляют наиболее ценную часть теоретического осмысления мира. По интуитивным и прагматическим соображениям они выглядят приемлемыми, а по логическим соображениям, как не поддающиеся верификации, должны считаться неприемлемыми и бессмысленными. Индуктивная дискуссия здесь буксует. В противном случае категории и принципы могли бы быть открыты и сформулированы всяким.

Интуитивно-дискретный, квантованный характер экспликации фундаментальных понятий российский ученый В.В.Налимов называл *распаковкой семантического вакуума* (см. "Спонтанность сознания" (1989), "В поисках иных смыслов" (1993)). Понятие семантического вакуума введено Налимовым по аналогии с понятием физического вакуума, т.е. в значении континуума, в данном случае – континуума смыслов. В метафизическом плане автор ближе платоновскому отношению к идеям (категориям, основаниям, принципам) как к объективному миру, существующему помимо желаний определенного человека и вне его головы. Тогда, очевидно, что категории, основания, принципы не выдумывают, как фасоны шляпок, а открывают в синтактике, семантике и прагматике культуры, как острова в океане.

Итак, принципы не выводимы из головы индивида, а конституируются общественным бытием, а бытие, в различных эпохах и культурах, различно. Однако бытие в монолитах общественных формаций еще различно и потому, что на "границах" эпох и культур универсальные семантические предпосылки человеческого бытия становятся предметом сомнений и раздумий, что и приводит к *экстраординарному выбору* новых оснований, сообразно которым теперь придется жить. Апелляция к основаниям, принципам заставляет нас отказаться от того, чего мы придерживались.

Теоретическая реконструкция ситуации экстраординарного выбора приводит нас к логике нестационарного состояния субъекта-общества, а это есть состояние *аномии*, впервые исследованное еще Э.Дюркгеймом, который полагал, что аномия – это состояние дезорганизации общества, когда ценности, нормы, социальные связи либо отсутствуют, либо становятся неустойчивыми и противоречивыми. Будет, по-видимому, плодотворным, предмет нашего исследования рассматривать в контексте процессов социокультурной дезорганизации.

Такая дезорганизация, как правило, характеризуется интенсивной социокультурной мобильностью, порождающей огромную массу маргиналов [3, 4, 5]. На наш взгляд, именно в *маргинальных* ареалах когнитивно-коммуникативного хаоса возникает социальный космос, детерминирующий производство *нового* человека, способного к экстраординарной адекватной корреляции общественного сознания и общественного бытия, к реорганизации общества.

Маргиналии (от лат. *margo* – край, граница) – то, что ограничивает и одновременно находится между. Маргинальность сопряжена с расщеплением, плюрализмом этнического самосознания [6]. По-видимому, такое расщепление касается различных форм сознания и самосознания (примером того, что это возможно, служит феномен "паразитизидного" дискурса философов). В индивидуальном плане психическое напря-

жение велико (вспомним особенности смены "динамического стереотипа" И.П.Павлова). Исследователи отмечают, что маргинальный психический тип, зачастую, является творцом: маргиналы становятся руководителями этнических групп, национальных движений, видными деятелями культуры.

Для нас важно, что "маргинальный синдром" – потеря объективной принадлежности к привычной социокультурной группе и потеря субъективной идентификации с ней; предпочтение девиантных форм социальной адаптации; выход за рамки властного дискурса; восприимчивость к выбору инновационных альтернатив – присущ людям, успешно осуществляющим фундаментальную разработку нового, поскольку, очевидно, они, будучи мало связанные предшествующей практикой с ортодоксальной рациональностью, могут скорее всего видеть, что прежние принципы больше не пригодны, и начинают подбирать (открывать, изобретать) другую систему принципов, которая может заменить предшествующую. Бесспорно то, полагает М.Малкей [7, с. 155], что большое число фундаментальных научных достижений восходит к работам исследователей, находившихся в маргинальных ситуациях.

Украинский ученый А.Ю.Кузнецов полагает [8], что в социальной истории возможно выделение периодов-переходов, в которых маргинальным является не только какое-либо отдельно взятое отношение, но и подавляющая часть таковых. Исследователь отмечает, что "бывшим советским" приходится *переживать* эти "переходы" (так и хочется прокомментировать словами классика: "Порвалась дней связующая нить, зачем я создан чтоб ее восстановить!"). Кузнецов останавливается также на проблеме перехода от одних философских оснований к другим, понимая под ними, прежде всего, методологические, гносеологические и аксиологические. На его взгляд, вышеуказанный переход (маргинальный по сути) предполагает, прежде всего, компаративный анализ категорий, ранее прописанных в различных концептуальных традициях; некоторые понятия требуют анализа не только компаративного, но и содержательного, включая анализ их генезиса, в том числе и этимологического.

Как видим, мы не одиноки в исследовании проблемных полей маргинального, где маргинальное понимается не только как категория социального, но и как категория философского знания. Здесь, как полагал В.С.Библер, философия (философская логика) критикует не частные истины или теории, она – культура сомнения в существующей, традиционной логике, в ее всеобщности, культура сомнения в самих критериях истинности, культура критики мысли в ее тождестве с бытием.

Таким образом, по нашему мнению, именно маргинальному состоянию субъекта-общества соответствует экстраординарный выбор интеллектуальных альтернатив. Если в социокультурных монолитах, например, "правильный выбор" предопределен установившимися нормативами, стандартами и процедурами рациональности, то маргинальные периоды жизни субъекта-общества выступают актуальным семантическим плюрализмом, анархией и эклектикой, нашедших отражение в радикальных воззрениях П.Фейерабенда [9]. И здесь у маргиналов нетривиальная эпатажность. Анархические и эклектические дискурсивные построения оказываются, зачастую, единственным способом воздействовать на сложившуюся систему значений и толкнуть ее к перестройке. Такое состояние дел было замечено уже Гегелем, который отмечал, что, например, философия в подобных ситуациях выходила из затруднения тем, что просто отбрасывала всякий метод. Сегодня это – методологический плюрализм идеологии постмодернизма.

Резюмируем. Поставленная еще философами древности проблема концептуальных разногласий не находила своего решения в силу неразработанности исторического метода познания природы, общества и мышления. Работы немецких классических философов, философов-позитивистов и антропологические открытия XVIII-XIX вв. способствовали осознанию исторической относительности любых рациональных процедур, следовательно, перепрофилированию вопроса концептуальных разногласий в проблему концептуальных изменений. Хотя в XX веке историко-методологические направления усиленно разрабатывали вопрос о смене концептуальных каркасов, однако концентрация сил только лишь в рамках философии науки не способствовала позитивному решению вопроса. Наш анализ проблемы показал, что необходим выход в междисциплинарный синтез, позволяющий рассмотреть проблему в более широких рамках социологии знания, конкретнее – в социально-философской проблематике *маргинальных периодов, характеризующихся экстраординарной распаковкой, квантованием семантического вакуума*. Здесь, правда, важна известная осторожность, поскольку чрезмерное увлечение онтологизацией смыслов способно столкнуть исследователя с позиций философского и логического монизма, и увлечь в ловушку марксовской "формы превращенной".

Источники и литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 907с.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1978. – 358с.
3. Ионцев В.А. Международная миграция населения: Россия и современный мир // Социологические исследования. – 1998. - № 6. – С.38-47.
4. Samaddara R. The Marginal Nation: Transborder Migration from Bangladesh to West Bengal. Gebundene Ausgabe. 1999.
5. Свящук А.Л. Теоретические интерпретации маргинального // Вісник Харківського Національного Університету ім. В.Н.Каразіна, № 618'2004. Серія: філософія. – Харків.: ХНУ, 2004. – С. 130-139.
6. Park R.E. Human migration & the marginal man // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – Vol. 33, № 6. – P. 881-893.
7. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – 251с.
8. Кузнецов А.Ю. До визначення поняття "хронотоп" // Наукові записки Харківського військового університету. Соціальна філософія, психологія. – Харків: ХВУ, 2003. – Вип. 1 (16). – С. 27-33.
9. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 543с.